

Annotation

Граф Трэй Ольес молод, красив, обаятелен и страстно влюблен в свою юную супругу, которая отвечает ему полной взаимностью. Их история похожа на сказку. Постылый жених, побег из дома, тайное венчание...

Как меня угораздило вляпаться в эту идиллию и попасть в тело новобрачной? Чужой муж не вызывает никаких чувств, кроме жалости. Куда делась настоящая графиня Ольес, непонятно. Но я обязательно во всем разберусь. Главное, держаться подальше от герцога Саллера – кузена графа и по совместительству того самого брошенного жениха.

И вот это, как оказалось, труднее всего.

Первая книга дилогии.

Алиса Ардова

Мужчина не моей мечты

Книга первая

Глава 1

– Ты... – Яростный женский вопль бесцеремонно разорвал сонную тишину, выдергивая меня из блаженной полудремы. – Мерзавка!

Страдальчески поморщилась, но открывать глаза, а тем более переворачиваться с живота на спину, чтобы полюбоваться на скандалистку, не спешила. Да и чего я там не видела? Как очередная вздорная тетка вдохновенно и громогласно, на все побережье, кого-то отчитывает?

Все-таки люди – удивительные существа. Весь год ждут отпуска, а потом, вместо того чтобы безмятежно наслаждаться заслуженным отдыхом, умудряются с утра до вечера выяснять отношения. Орут, ругаются, тиранят родных и близких. Даже здесь, на пляже.

– Хитрая гадина... Выскочка! – снова пронзительной сиреной взвыла истеричка, и я чуть не застонала от досады – поскорее бы она уgomонилась что ли... Или убралась

хоть куда-нибудь.

Но женщина уходить не собиралась.

– Не делай вид, что не слышишь, – истошно взвизгнула она возле самого уха. Одновременно с этим меня больно дернули за волосы, а потом, словно сделанного показалось мало, еще и ткнули кулаком в бок.

Ну это уже слишком!

Ленивое оцепенение, охватившее тело, мгновенно испарилось. Я стремительно подскочила на месте, села и...

Что это?!

Недоуменно заморгала, рассматривая странную тесную комнатенку. Деревянные стены, грубо сколоченный стол, колченогие стулья, печь, полки с немудреной домашней утварью... Тряхнула головой, зажмурилась, осторожно приоткрыла веки – ничего не изменилось.

Где я? Где солнце, море, белый песок, шезлонг и зонт, под которым мы прятались от нещадно палящих полуденных лучей? А главное, куда исчез Петька? И кто эта нелепая особа в длинном платье мышиного цвета, которая со зверским выражением лица нависает надо мной?

– Ненавижу! – Молодая женщина на миг осеклась, захлебнувшись собственным возмущением, а потом крепко схватила меня за плечи. – Ты его не получишь!

– Кого? – переспросила недоуменно, безуспешно стараясь собраться с мыслями и сообразить, что все-таки происходит.

Стоило ненадолго задремать, уютно расслабившись в зыбкой прохладной тени, – и на тебе... Может, ничего этого нет, а у меня просто солнечный удар?

– Могира.

– Я знать не знаю никакого Гира, кроме Ричарда! – Рассердилась, окончательно ошавев от абсурдности ситуации. – Да и тот не имеет ко мне никакого отношения. – Оглядела растрепанные пепельные волосы, лихорадочный румянец на щеках, горящие бешенством серые глаза, старомодную одежду и ехидно добавила: – К вам, пожалуй, тоже. Пустите!

Попыталась вырваться из цепких рук. Не удалось. Женщина еще сильнее сжала пальцы, сдавливая как клещами.

– Он мой! – выдохнула она воинственно.

– Я разве против? Забирайте, – отозвалась с готовностью. Лишь бы отстала.

Спорить с явно неадекватной дамочкой в нелепом одеянии с рюшами и фестонами – себе дороже.

– Он жениться обещал, – женщина вдруг всхлипнула, – небом клялся! А теперь только о тебе и думает.

– Негодяй, – поддержала ее вполне искренне.

Тупо ныл затылок. В ушах звенело. В голове не было ни единой мысли. И я все никак не могла понять, с какой радости обо мне думает совершенно незнакомый мужик. Еще и девица эта... Интересно, кто она такая? И где все-таки Петька?

– Не смей так о нем говорить, – крайне нелогично бросилась на защиту неверного Гира незнакомка. – Он самый лучший на свете.

Точно, больная.

– Лучший – худший, мне-то какая разница, – попыталась отодрать от своих плеч горячие ладони. – Вы меня наконец отпустите?

– Нет! – выкрикнула девица и вопреки словам тут же разжала пальцы. Еще и толкнула в грудь, отбрасывая на узкую жесткую лежанку.

Не успела опомниться, как она достала что-то из кармана, прикрыла одной рукой нос и рот, резко выбросила вперед другую, и мне в лицо полетел мелкий серый порошок. Пока я отчаянно чихала, протирая слезящиеся глаза, дамочка успела отойти в другой конец комнаты и остановилась у двери.

– Пыльца явра, – просветила она меня, стряхивая с ладоней остатки серой гадости. – Сейчас у тебя откажут ноги и руки, онемееет тело, а охранные браслеты не позволят себя вылечить. Будешь лежать, слушать, как за дверью трещит, разгораясь, огонь, и гадать, что тебе суждено – сгореть заживо или задохнуться в дыму? Если раньше не сойдешь с ума от ужаса. В любом случае отсюда ты уже не выйдешь. А Могир останется со мной. Со мной!

Девица мстительно расхохоталась – как-то у нее это театрально-зловеще получилось – и выскочила за дверь. Я дернулась следом – мне даже удалось немного приподняться, но тут же грузно рухнула обратно. Конечности налились тяжестью, одеревенели и больше не слушались.

Да что здесь творится?!

За окном сверкнуло, громынуло, дом затрясся, и из щелей потянуло запахом гари. Сначала едва ощутимый, запах этот в считанные мгновения стал густым, почти невыносимым, а вслед за ним в помещение втянулось сизое клубящееся облако.

Меня захлестнула паника. Не все ли равно, где я и как тут очутилась? Потом разберусь. Сейчас самое важное – пусть ползком, но дотащиться до заветной двери и выбраться из комнаты. Попробовала скатиться на пол, но не смогла даже пошевелиться. Казалось, тело вросло в твердый дощатый топчан, а кровь загустела и застыла, пропитавшись едким ядовитым дымом.

В голове зашумело, во рту появился неприятный металлически-горький привкус, а на лбу выступили капли пота. Противно запершило в горле. Попыталась вдохнуть полной грудью, но только хрипло закашлялась, смаргивая появившиеся слезы. От дыма или от отчаяния – какая теперь разница?

– Помогите, – каркнула глухо и сама удивилась тому, как растерянно и жалко звучит голос. – Кто-нибудь, пожалуйста, помогите...

Послышался треск, по потолку заметались зловещие красные блики. С трудом повернула голову и увидела, как возле порога пляшут языки пламени.

Это просто бред какой-то! Полчаса назад я лежала на пляже, лениво переворачиваясь с боку на бок, пила холодный лимонад, шутила, смеялась и ощущала себя абсолютно счастливой. А теперь валяюсь в горящей избе – запертая, беспомощная, обездвиженная, жду смерти и ничего не могу сделать для своего спасения.

Было больно, страшно и... обидно. Да, обидно. Оттого, что я сейчас умру, так и не узнав, что случилось, как я здесь оказалась и где, черт возьми, Петька.

Огонь зазмеился по стенам, поднимаясь выше и выше. Треск усилился и доносился уже со всех сторон. Еще несколько минут – и конец. Сейчас пламя перекинется на крышу, она обрушится, а я даже не в состоянии поднять руки, чтобы прикрыть лицо.

Внезапно снаружи раздались громкие крики. Дверь содрогнулась, а затем с грохотом рухнула на пол, выбитая могучим ударом, и в клубах дыма показалась подсвеченная багровыми отблесками мужская фигура.

– По-мо-ги-те... – попыталась выговорить непослушными губами, но вместо звуков из пересохшего горла вырвалось только: – Пх... гха...

Шаг...

Другой...

Как медленно он идет...

Глаза щипало, точно их кололи тысячи крохотных невидимых иголочек, и я, не выдержав, медленно опустила ресницы.

– Мэарин... – донесся издалека... почти с другого конца вселенной глубокий низкий голос.

Собралась с силами, подняла воспаленные, налитые свинцом веки и в ужасе уставилась в склонившееся надо мной лицо. Плающее, словно сотканное из языков бушующего вокруг пламени.

И без того перегруженное впечатлениями сознание не вынесло подобного зрелища. Последнее, что я почувствовала перед тем, как окунуться в спасительное небытие, – как сильные руки подхватывают меня и прижимают к широкой груди. Такой крепкой и восхитительно надежной.

* * *

Море плавно покачивало расслабленное тело на мягких волнах. Вверх-вниз, вверх-вниз... С неба припекало солнце, спину овеяло легкой прохладой. Когда я

успела с шезлонга перебраться на матрас, да еще и заснуть в море? Не помню... Ну и ладно. Сейчас поплаваю еще немного, выберусь на берег, и пойдем с Петькой обедать. Правда, есть почему-то совсем не хотелось, а вот пить – очень. В глотке саднило, немного подташнивало, давило в висках. Наверное, я все-таки перегрелась.

– Мэарин... Мири... Вы меня слышите?..

Настойчивый, смутно знакомый голос пробудил не самые приятные воспоминания, и я, поежившись, зажмурилась еще сильнее. Если не открывать глаза, можно продолжать надеяться, что все случившееся просто почудилось. Голову напекло, с кем не бывает. И вздорная особа, ее неожиданные обвинения, пожар, моя беспомощность, таинственный спаситель, внешний вид которого напугал до обморока, – не больше чем дурной сон. Но мужчина оказался упорным.

– Мири...

Горячие пальцы осторожно убрали прилипшие ко лбу волосы, скользнули по щеке, нащупали на шее невольно учатившийся пульс. Прятаться от себя самой и дальше было глупо. Повиновалась настойчивому зову и распахнула ресницы, с опаской изучая сидевшего рядом незнакомца.

Темные глаза, такого же цвета волосы над высоким лбом... Четко очерченные скулы, волевой подбородок, твердая линия рта, тонкий длинный шрам на щеке. Жесткое, хищное, по-своему привлекательное лицо, и никакого огня. Скорее всего, там, в доме, я наглоталась дыма, вот и привиделись всякие ужасы.

– Как вы себя чувствуете?

Попыталась ответить, но не смогла – слова застряли в обожженной горле, язык не ворочался, поэтому я только чуть заметно передернула плечами. Мой спаситель помрачнел, подался вперед и, заботливо придерживая, помог приподняться. Сильная рука опустилась между лопаток и осталась там, распространяя по всему телу приятное тепло.

– Пейте! – Губ коснулось узкое горлышко фляги.

С сомнением втянула в себя прохладное питье. Терпкая жидкость, раскаленной лавой прокатившись по пищеводу, резко обожгла желудок. Какая гадость!

– Еще! – последовало отрывистое распоряжение.

Подчиняясь приказу, сделала несколько судорожных глотков и поняла, что действительно становится легче.

– Вот так. – Незнакомец отложил флягу и, пытливо вглядываясь, привлек меня ближе. – Теперь лучше?

– Да, спасибо...

Холодные глаза немного потеплели, плотно сжатый рот смягчился, и мне внезапно отчаянно захотелось почувствовать его вкус. Интересно, как этот тип целуется? Ведет себя с женщинами? Уверена, он потрясающий любовник...

Запрокинуть назад голову, обвить ногами напряженные бедра и застонать от наслаждения, ощутив на себе тяжесть мощного тела...

Лежащая на спине ладонь окаменела, твердые пальцы впились в кожу. Я вздрогнула от боли, медленно приходя в себя, и только тут заметила, что незнакомец тоже не сводит глаз с моих губ.

Что за ерунда происходит?

Никогда я так не реагировала на мужчин. Всякое, конечно, случалось. Кто-то мне нравился больше, кто-то меньше, иногда и дыхание при знакомстве перехватывало, и сердце сладко замирало, но чтобы вот так фактически бросаться на шею первому встречному — это уж слишком. Да кто он такой?

«Жених», — тут же с готовностью подсказала память.

Нет, не было потустороннего ехидного голоса, и сама с собой я, слава богу, не разговаривала — еще раздвоения личности не хватало! И тем не менее, твердо знала: рядом находится жених, причем не чей-нибудь, а именно мой.

Неожиданная новость отрезвила окончательно, и я слабо дернулась, пытаюсь отодвинуться. Движение не осталось незамеченным.

— Мэарин?.. — мужчина нахмурился, с трудом отводя взгляд от моих губ.

— Пустите...

Незнакомец мгновенно посуровел. С непроницаемым выражением лица аккуратно прислонил меня к какой-то опоре и тут же отстранился.

— Я отвезу вас в свое имение, — сообщил он нейтральным тоном, глядя поверх моей головы.

— Но... — начала я растерянно, однако собеседник не обратил никакого внимания на мои слабые возражения

— Ваш супруг уже там, — закончил он. И поморщился.

— Кто? — переспросила ошеломленно. — Какой супруг?

— Ваш, — еще раз любезно уведомили меня и, хмыкнув, ядовито добавили: — Бедняга Трэй! Быстро же вы о нем забыли.

Я нервно сглотнула, пытаюсь отдышаться. В мыслях царил полная сумятица. У меня и муж есть? Только его для полного счастья не доставало! Еще несколько часов назад в моей благополучно-размеренной жизни не было никого, кроме Петьки — такого родного, привычного, своего. А потом он куда-то исчез, зато волшебным образом появились сначала бабник Гир, за ним жених, на которого я очень странно реагирую, а теперь к ним еще и муж присоединился. Что дальше? Не удивлюсь, если выяснится, что у меня целый гарем в запасе имеется. Мужья... женихи... претенденты на эти почетные должности.

— Вы не спросили, жив ли он, — продолжал язвить собеседник. — Неужели, совсем не беспокоитесь?

Беспокоюсь? Да я минуту назад впервые узнала о существовании этого самого Трэя и даже не представляю, как он выглядит.

Услужливая память радостно отозвалась, подбросив четкий образ. Умопомрачительный красавец – стройный, светловолосый, голубоглазый, с ослепительной белозубой улыбкой – нетерпеливо протягивает ко мне руки и ласково шепчет: «Мири...»

– Мири... – Тон сидящего рядом человека был каким угодно, только не ласковым, скорее раздраженным, почти злым. – Утром в часовне Танбора вы добровольно принесли брачные обеты и стали графиней Ольес. Припоминаете теперь?

Высокий полукруглый свод... Тишина... Чистый, ясный свет. Он везде. Льется сквозь прозрачный купол и узорчатые окна. Солнечными зайчиками скачет по блестящему полу. Причудливыми узорами украшает стены. Широкими сверкающими лентами оплетает две ладони, опущенные на постамент из гладкого золотистого камня.

Тишина, свет и шепот:

– Навеки вместе, любимая...

Замотала головой, стремясь избавиться от навязчивой картинки. Нет, это не мои воспоминания. Жених, муж, поклонник, отвергнутая им сумасшедшая девица – все не мое. Вздернула подбородок и уверенно произнесла:

– Я не Мири! – Увидев, как темнеет строгое лицо, торопливо добавила: – И не Мэарин.

– Конечно... Простите, графиня, – Голос собеседника совсем выцвел, став предельно официальным.

– Уж тем более не графиня...

– Вот как? – усмехнулись мне в ответ. – Тогда кто же?

– Я... – Сглотнула неожиданно появившийся в горле тугой комок и начала снова: – Я...

Увы, на этом мои откровения и закончились. Я все прекрасно помнила – собственное имя, название города, в котором живу, родственников, друзей, соседей, а вот сказать ничего не могла. Лишь изумленно таращила глаза и беззвучно хватала воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Кроме бессмысленных: «я... я...» не удавалось вымолвить ни слова.

– Поздно спохватились. – Так и не дождавшись внятного объяснения, брезгливо дернул уголок губ «жених». – Раньше надо было думать, перед тем, как позволили Трэю себя уговорить и, забыв, что уже связаны обязательствами с другим, дали согласие на побег и тайное венчание. Да не где-нибудь, а в Древней обители. – Он досадливо тряхнул головой. – Теперь, как бы вы ни сожалели о своей легкомысленной выходке, отказаться уже не получится. Нравится или нет, но с сегодняшнего дня вы не Мэарин Астон, а графиня Ольес, и этого не изменить.

Он остановился, вероятно, надеясь услышать от меня хоть что-нибудь вразумительное, но я благоразумно молчала, решив больше не заикаться и не позориться. Все равно бесполезно. Собеседник явно как-то по-своему истолковал

мое неразборчивое «яканье» и пришел к совершенно неожиданным выводам, но сейчас у меня не было ни малейшего шанса его переубедить. Да, честно говоря, и сил, чтобы оправдываться, убеждать, доказывать, уже не осталось.

«Жених» последний раз прожег меня взглядом и резко отвернулся.

— Вильм, — крикнул он. — Вы закончили? Что там?

— Поджог и заклинание тления. Слабое, но все же... — немедленно отозвались откуда-то сбоку. — Если бы мы опоздали, к вечеру от сгоревшего дома и от того, кто в нем находился, осталась бы лишь горстка пепла.

— Значит, маг, — хмуро протянул мой спаситель. Снова взглянул на меня, прищурился и закончил: — или магиня... Что-то еще?

— Да, мэссер. Мы обнаружили след недавно открывавшегося межмирового портала.

— Хм... а вот это уже серьезно. Показывай.

Тот, кого называли странным именем или титулом «мэссер», легко вскочил на ноги и шагнул в сторону, оставив меня в одиночестве.

Сразу стало холодно и неуютно. Тут же почувствовала, что полулежу в неудобной позе и тело уже совсем затекло. Внизу твердая земля, от которой отделяет лишь тонкая полоска ткани, а в спину упирается узловатый ствол дерева, раня кожу грубой шершавой корой.

Обвела мутнеющим взглядом небольшую полянку, окруженную, как и полагается любой порядочной поляне, густым зеленым лесом... сгоревший остов дома... группу мужчин, деловито изучающих обугленные развалины. Тревога и непонимание незаметно отхлынули, уступив место тупому безразличию и желанию спать. Побег, венчание, титул графини, заклинания и загадочный межмировой портал — какое отношение ко мне имеет весь этот вздор?

— Леди Ольес, — крепкая теплая ладонь бережно накрыла мои похолодевшие пальцы, — вам плохо?

— Голова кружится, — улыбнулась я блекло, и мужчина, на мгновение сжав мою руку, бросил что-то короткое и яростное.

— Охранные браслеты, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Слишком долго эта пакость перекрывала ваши жизненные потоки. Потерпите еще чуть-чуть, лекари уже предупреждены и ждут... Вильм! Остаешься здесь с половиной отряда.

— А вы... — донеслось до меня встревоженное.

— Отвезу графиню в имение и вернусь.

— Но, мэссер, рядом граница... Я обязан охранять вас... — попытался возразить невидимый мне Вильм, но был остановлен властным:

— Не обсуждается.

— Слушаюсь, мэссер. — Чувствовалось, что подчиненному очень не нравится решение

начальства, но он тут же прекратил бесполезные уговоры, беспрекословно повинаясь прямому недвусмысленному приказу.

«Жених» еще раз внимательно осмотрел меня – темные глаза под длинными ресницами взирали холодно и отчужденно – сухо улыбнулся и отстранился, уступая место крепкому широкоплечему субъекту с приятным, хоть и немного грубоватым лицом.

– Позвольте помочь, миледи... – почтительно пробасил он и замер, старательно отводя взгляд от моего потрепанного одеяния. Вернее, от того, что от него осталось после пожара.

Не совсем понимая, что, собственно, нужно делать, растерянno кивнула и охнула от неожиданности, когда меня в одно мгновение подняли вверх. Так легко, словно я совсем ничего не весила.

По-прежнему упорно косясь в сторону, Вильм – а это, скорее всего, был именно он – быстро пошел по краю поляны. Мое тело он нес почти на вытянутых руках, сжимая бережно и осторожно, как хрупкую вазу, которая способна разлететься на куски от любого неосторожного движения. Несколько торопливых шагов, и мы остановились возле великолепного черного, без единого пятнышка, жеребца, которого придерживал под уздцы рослый молодой парень.

– Нерд, с тебя полный отчет о портале. Все, что сумеешь выжать из следа... И не сумеешь тоже. – Откуда-то сбоку вынырнул мой спаситель, на ходу отдавая распоряжения. – Идан, занимаешься поджогом. Я хочу знать, Птарх поberi, что здесь, в конце концов, произошло.

Жеребец мотнул головой и звонко заржал, приветствуя хозяина. Тот ласково потрепал тонконового красавца по гриве и, вскочив в седло, потянулся ко мне.

– Потерпите, графиня, – повторил он, устраивая меня в своих объятиях и тщательно укутывая какой-то мягкой тканью. – Осталось совсем немного.

Взял поводья, и конь, подчиняясь команде, тронулся с места – сначала шагом, потом рысью и, наконец, перешел на уверенную ровную иноходь, унося нас вперед по лесной дороге.

Несмотря на скорость, вороной двигался легко и плавно, казалось, что его копыта едва касаются земли. В кольце уверенных сильных рук я чувствовала себя тепло, уютно и безопасно. Полулежала, прислонившись к мужской груди, слушала, как ровно, спокойно бьется чужое сердце и вспоминала... вспоминала... вспоминала... Снова и снова перебирала в памяти все события сегодняшнего безмятежно-счастливого утра, отчаянно пытаюсь свести концы с концами и сообразить, как я умудрилась во все это вляпаться.

* * *

Лето...

Жаркое солнце, синее море, голубое, чуть выцветшее небо. Белый шезлонг, холодный мохито в запотевшем стакане на столике под большим красным зонтом. Что еще нужно для счастья двум удачно сдавшим сессию студентам, без году успешным дипломированным специалистам? И не беда, что денег на отдых за границей пока не хватает, — на родном азовском побережье, в маленьком южном городке тоже можно неплохо провести время. Расслабиться, понежиться на солнце, поплавать и понырять, а потом зависнуть до утра в каком-нибудь клубе или баре.

Большой ложкой дегтя в этой бочке восхитительного летнего меда стал местный спасатель Леха, оказавшийся по совместительству доморожденным меломаном. Как истинный подвижник, он щедро делился своей страстью с отдыхающими массами, поэтому с его вышки с утра до вечера, не затихая, гремела музыка. Особенно Леха любил устраивать тематические дни. Позавчера в программе значился французский шансон. Вчера — мелодии из отечественных кинофильмов. А сегодня вот — песни восьмидесятых.

«Чтоб не пил, не курил,

И цветы всегда дарил», — надрывалась исполнительница.

А мне ужасно хотелось ее заткнуть.

Нет, я ничего не имела против группы «Девчата». Я, собственно, и о существовании-то ее узнала только пару часов назад, из комментариев Лехи. Но четвертый раз за день — уже перебор. А ведь еще далеко не вечер.

«В дом зарплату отдавал,

Тещу мамой называл».

Перевернулась на спину, затеняя шляпой лицо.

«Был к футболу равнодушен,

А в компании не скушен».

Вот напасть! Чем бы уши закрыть, а?

«И к тому же чтобы он

И красив был, и умен»...

Внезапно обрушившаяся сверху вода показалась почти ледяной и резко обожгла опаленную солнцем кожу.

— Петька! — тоненько взвизгнув от неожиданности, резво подскочила вверх. — Ты что творишь, балбес?

— Я тебя тоже люблю, крошка!

На соседний лежак плюхнулся довольный братец.

— Прекрати называть меня этой собачьей кличкой, — запротестовала я возмущенно. — Сколько можно просить?

– Миллионы на твоём месте рыдали бы от счастья, – привычно парировал родственник, задорно подмигнул и улегся, картинно заложив руки за голову.

На четко очерченных губах лукавая улыбка, темно-карие глаза весело блестят – хорош, что и говорить. Прекрасно понимаю чувства тех девушек, что бегают за ним, ловят каждое слово, а услышав мурлыкающее «крошка», растекаются счастливой лужицей. Но я не они, и Петьке это прекрасно известно. Ему просто нравится меня дразнить.

– Вот им и говори. Своим многочисленным куколкам, у которых вместо головы задница.

– Почему задница? – раздалось рядом озадаченное хмыканье.

– Если у модельных красоток, которые вокруг тебя вертятся, ноги от ушей, значит, там, где у других голова, у них – то самое пресловутое мягкое место. Попа внизу, попа вверху, между ними грудь пятого размера. Лепота! А то, что при этом думать нечем, не беда. Известно ведь, что идеальной девушке мозги ни к чему.

Негромко хихикнула и почувствовала себя полностью отомщенной.

– Ну да, именно такие мне и нравятся, – легко согласился братец, сквозь полуопущенные ресницы наблюдая за проходящими мимо представительницами прекрасного пола. – Хорошенькие, глупенькие...

– Восторженные, влюбленные... – подсказала заботливо.

– Можно и влюбленные, но не обязательно. С влюбленными проблем много. Предпочтительнее – готовые к необременительным отношениям, без всяких там сложностей, упреков и неожиданных требований.

– Хорошенькие... глупенькие... Петь, тебе не надоело? Что ты с ними делаешь в свободное от постели время? Читаешь развивающие журналы для детей младшего школьного возраста?

– В свободное от постели время я с ними не общаюсь, – донеслось в ответ насмешливое, – для серьезных разговоров и чтения журналов у меня сестра имеется. – Петька не глядя нащупал бокал с лимонадом, сделал пару глотков и закончил: – Так что, Маха, на данный момент меня все устраивает.

Маха...

Я давно привыкла к тому, что брат редко называл меня по имени – только при посторонних, совершенно чужих людях или на каких-то официальных мероприятиях. В остальное время я была кем угодно, только не Машей. Маруся, Манюня, Маська, Мурена, Маха... – фантазия родственника казалась поистине неисчерпаемой. Похоже, ему доставляло особое удовольствие изобретать все новые и новые прозвища. Забавные, милые, ехидные, дурацкие... всякие. И не только прозвища. «И на Маруху бывает проруха» – эта присказка появилась, когда он узнал, что Маруха – это не только жаргонное словечко, но и вполне нормальный, принятый у испанцев вариант имени Мария.

Я старалась отвечать тем же. Но ничего кроме банальных Петька, Петрусь, Петюня и

неизвестно как затесавшегося между ними Петруччо у нас не прижилось.

– О чем задумалась, Марусь? – Маленькая ракушка мягко ударилась о мое плечо. За ней еще одна... И еще... – У тебя такое забавно-серьезное выражение лица.

– О твоей будущей жене, – откликнулась, лениво прищурившись. – Ее ты тоже выберешь по принципу «чем глупее, тем лучше»?

– Конечно, – заверили меня со всей серьезностью. – Мне и одной умной женщины в семье хватает. Пожалуй, даже с избытком. Так что никаких суфражисток. Привыкнет послушно, без возражений принимать все мои решения, и счастливая замужняя жизнь ей обеспечена.

– Петька, да ты, как выясняется, самый что ни на есть мачистый мачо, – умилилась я почти восхищенно. – Из тех, что при каждом удобном случае твердят, словно заведенные: «Женщина, знай свое место».

– А то! – Брат преувеличенно гордо вскинул подбородок. – Девушки, между прочим, как раз таких и любят. Вот ты, например...

– Я, например, – перебила колко, – скорее предпочту парня из песни, которую наш «диджей» сегодня целый день крутит. Умного, симпатичного, терпеливого, легкого в общении, без вредных привычек и завышенной самооценки. А главное, уважающего меня и моих близких. Брутальный, суровый и властный – мужчина не моей мечты.

– Ну-ну... – Петька недоверчиво покачал головой, – это мы еще посмотрим.

Сладко потянулся, опустил спинку шезлонга, пробормотал: «Что-то спать хочется...», перевернулся на живот и затих.

Песня, отгремев еще раз, замолкла. Леха отчалил на обед, и пляж наконец-то окутала блаженная тишина. Солнце припекало все сильнее, но в тени царила приятная прохлада, и я решила последовать примеру брата. Уронила лоб на руки и вскоре задремала, убаюканная чуть слышным плеском набегаящих на берег волн... Чтобы проснуться далеко отсюда от дикого вопля полоумной поклонницы неведомого мне Гира...

* * *

Конь громко всхрапнул, заржал тревожно, вырывая из приятных воспоминаний, а затем понесся быстрее. Высунула нос из ткани, в которую меня закутали, и попыталась оглядеться.

Вокруг шумел густой лес, сплошной стеной обступая дорогу, по которой двигался наш небольшой отряд. Кроны огромных деревьев тесно переплетались где-то там, высоко-высоко, пропуская через плотное кружево веток и листьев лишь редкие лучи солнечного света. Создавалось впечатление, что мы скользим по бесконечному сумеречному тоннелю, из которого уже никогда не суждено выбраться.

Поежилась, представив вечное блуждание по этому таинственному переходу, ведущему в потусторонний мир. В душе нарастала непонятная глухая тревога.

– С-с-с... – шептал надо мной и вокруг меня древний лес.

– Ш-ш-ш... – доносил издалека ветер.

А мне слышалось:

– С-с-сюда...

– Ш-ш-шаг, с-с-сделай ш-ш-шаг...

Отчаянно мотнула головой и, нырнув в теплую глубину покрывала, изо всех сил прижалась к широкой твердой груди.

– Графиня?.. – Надо мной склонилось лицо «жениха». Серьезное, сосредоточенное. – Вас что-то беспокоит?

– Нет... – выдавила слабую улыбку.

Ну не говорить же, в самом деле, что со мной деревья общаются? Вот такие болтливые растения попались, а в остальном – все в полном порядке. Но мужчина сам догадался о том, что я так и не решилась озвучить.

– Мы слишком приблизились к границе, а Хауддан не любит непрошенных гостей. К сожалению, это кратчайшая дорога. – Тесные объятия стали еще крепче. – Не бойтесь. Все будет хорошо, обещаю... А сейчас вам лучше поспать.

Прохладная ладонь легла на мой покрытый испариной лоб, даря облегчение и успокоение. Я прерывисто выдохнула, чувствуя, как растворяются, стихают где-то вдали голос леса и шум ветра, и не заметила, как уснула.

Глава 2

Я проспала не только дорогу, но и все последующие события – приезд в имение, транспортировку в приготовленную комнату, консилиум собравшихся у постели лекарей. Ничто не могло потревожить мой неестественно крепкий сон, словно я приняла изрядную дозу сильнодействующего снотворного. Лишь однажды, когда моего запястья коснулись знакомые сильные пальцы, на краткий миг пришла в себя.

– Что скажешь, Дильфор? – Речь сидящего в кресле у кровати мужчины звучала подчеркнуто ровно, но взгляд обеспокоенных темных глаз ни на секунду не отрывался от моего лица. – Как она?

– Жить будет, – весело отозвались откуда-то сзади. Мой спаситель поморщился, и его собеседник, виновато кашлянув, мгновенно стал серьезным. – Вы вовремя сняли

с ее сиятельства браслеты. И усыпили тоже очень кстати, во сне организм легче восстанавливается. Так что все в порядке.

Повисло напряженное молчание.

– Ты уверен...

– Обижаете, мэссер, – тот, кого называли Дильфором, невнятно хмыкнул, – вы ведь меня не первый день знаете. Здоровье миледи не вызывает ни малейших опасений, подождите немного, скоро от ее недуга ничего не останется.

– Что ж... – мужчина окинул меня прощальным взглядом и быстро поднялся. – Я возвращаюсь к Вильму, если леди Ольес станет хуже, сообщить немедленно.

– Слушаюсь... – раздалось в ответ почтительное.

– Теперь что касается Трэя, – голос «жениха» начал отдаляться. – Кто с ним сейчас?

– Мой старший помощник, Адальтей.

– Хорошо. Мне нужен подробный отчет о состоянии кузена: как, почему, чего ожидать и на что надеяться. Идем...

– Конечно, мэссер, – заторопился лекарь. – Леом, ее сиятельству необходимо больше спать, поэтому сегодня даешь ей вот эту настойку. Три раза по три меры. Если понадобится, найдешь меня в покоях графа.

Хлопнула дверь, над головой звякнули склянки, и через секунду передо мной возник невысокий щуплый паренек с прозрачным стаканчиком в руках, в котором плескалась какая-то бурая жидкость...

– Прошу, ваше сиятельство...

Следующие несколько дней слились в моей памяти в сумбурный калейдоскоп, где затяжной сон чередовался с редкими минутами бодрствования. В комнате то темнело, то светлело, мелькали чьи-то лица, раздавались обрывки фраз.

– Как тут? Все в порядке?..

– Леом, иди отдохни, Ирем пока тебя сменит...

– Мастер, температура спала...

– Нет-нет, теперь четыре меры вот этого...

А на третьи сутки, проснувшись среди ночи, я вдруг поняла, что у меня ничего не болит, я совершенно здорова и больше не хочу спать. Полежала немного, изучая высокий лепной потолок и скользящие по нему серебристые блики, поднялась, подхватила легкое одеяло и пошла к подоконнику. Устроилась с ногами среди разбросанных там мягких подушек, закуталась до ушей и уставилась в открытое окно.

За окном темнел сад, чуть слышно шелестели облитые лунным светом верхушки

деревьев, одурающе сладко пахло цветами и недавно прошедшим дождем. Было тепло, тихо и умиротворяюще спокойно. Снаружи... В душе, напротив, царили сумятица и полная неразбериха. А еще крепла странная, непонятно на чем основанная уверенность, что я попала. Причем основательно и серьезно. В чужой мир. Чужую жизнь. Чужое тело.

Осознание этого накрыло тяжелой удушливой волной, резко ударило под дых, затопив все мое существо липким ужасом. Зачем я здесь? Почему? Что вообще происходит? Девушка, собиравшаяся меня убить... пожар, из которого я чудом выбралась в самый последний момент... жених... муж... магия... странные воспоминания... неудачная попытка сказать о себе настоящей хоть слово... Все перемешалось в голове, пугая до одури, мешая дышать, думать.

Страшно... Черт возьми, как же страшно!

Глубоко вдохнула, стараясь подавить приступ паники, выдохнула. Нет, так не годится. Пока не наступило утро и есть немного времени, надо успеть хоть в чем-нибудь разобраться. Хм... Как там меня величал мой загадочный спаситель?

— Мири... — произнесла негромко. — Мэарин Ольес... — запнулась, досадливо мотнула головой, добавила: — Мэарин Астон... — И на меня тут же нахлынул поток смутных видений — подхватил, закружил и унес за собой...

Прелестная юная девушка, приподняв подол нежно-голубого платья и нетерпеливо покусывая пухлую нижнюю губу, радостно вертится перед высоким зеркалом в золотой оправе. Грациозная фигура, длинные темные волосы, окутывающие точеные плечи, гордая посадка головы, сияющий румянец и ясный взгляд широко распахнутых темно-карих глаз.

Сегодня отец обещал назвать имя жениха, которого он для нее выбрал. Интересно, кто это? Барон Гридт или граф Цесиг? А может быть, маркиз Нистон? Он так смотрел на нее на последнем королевском балу и вопреки всем правилам приличия даже порывался пригласить на третий танец. Жаль, матушка не позволила согласиться. Да, точно он... Или все же виконт Онрах? Он давно уже пытается за ней ухаживать. Ох... да не все ли равно. Каждый из них молод, хорош собою, богат и без ума от нее, Мири. Да и как можно не влюбиться в такое чудо? За одну ее благосклонную улыбку любой из поклонников готов жизнь отдать.

— Биса, — кричит красавица, — отец уже вернулся?

— Да, госпожа, — отвечает звонкий девичий голос. — И не один, а с его светлостью герцогом Саллером. Заперлись в кабинете и о чем-то беседуют, а слуги говорят, что его светлость к обеду останется.

— Фу... — Мэарин недовольно кривится.

Именно сегодня, надо же, как неудачно! Неприятный тип, вечно хмурый, мрачный, отстраненный. А его шрам просто пугает, особенно когда представишь... Нет, не стоит об этом сейчас думать и портить такой замечательный день. Но как же с ним рядом неуютно! Поневоле начнешь сочувствовать бедняжке, которой суждено стать женой этого ужасного человека. Тут уж ни богатства не захочешь, ни положения в обществе — лишь бы от него подальше.

А вот кузен герцога, граф Ольес, говорят, настоящий красавчик. И такой веселый,

любезный, обходительный... Просто душка! Жаль, что им так и не довелось до сих пор встретиться...

Одна картинка сменялась другой. Мимолетные, обрывочные, непонятные и, наоборот, четкие, подробные, предельно яркие – они возникали фрагмент за фрагментом, выкладывая передо мной причудливую мозаику незнакомой до этого жизни. Чужие воспоминания заинтересовали и спасли от подступавшей истерики, отвлекая от неприятных вопросов, на которые пока не было ни одного ответа. Когда вдали забрезжил рассвет, знаменуя начало нового дня, и по парку потянулись прозрачные тени, я уже примерно представляла, где и в чьем теле оказалась. Теперь бы разобраться – кто виноват, что делать и как из всего этого выбраться.

Мда... Всего ничего и выяснить-то осталось.

* * *

За окном уже вовсю распевали птицы, когда дверь спальни беззвучно отворилась и в комнате появились двое. Негромко переговариваясь и пока не замечая мою полускрытую портьерой фигуру, они двинулись к кровати, давая мне несколько минут форы и возможность изучить себя повнимательней.

Первой шла девушка – молоденькая, немного полноватая, в длинном, наглухо закрытом светло-коричневом платье и с аккуратно убранными под чепец волосами... Горничная. Всмотрелась в открытое, простое лицо – никаких воспоминаний, значит, с Мири они раньше не встречались. Что ж, уже легче.

Сопровождал служанку высокий жилистый мужчина лет тридцати. Выразительное умное лицо, аккуратно подстриженная борода и густые, похожие на львиную гриву рыжие волосы. Лекарь... Задержала взгляд на серебряной звезде, изображенной на правом рукаве черной униформы, мысленно подсчитала количество лучей – один... четыре... восемь... десять – и тут же исправилась: не обычный лекарь, а мастер. Скорее всего, тот самый Дильфор, который обещал мэссеру в кратчайшие сроки поставить меня на ноги. С ним Мэарин тоже никогда раньше не общалась.

Тем временем парочка добралась до цели и удивленно затихла, обнаружив, что постель пуста. Впрочем, в отличие от застывшей соляным столбом служанки, лекарь опомнился быстро. Развернулся, нашел меня взглядом и, неодобрительно проворчав что-то, направился к окну.

– Зачем вы встали, ваше сиятельство?

Не дожидаясь, пока он приблизится, соскользнула с подоконника, закуталась в одеяло, словно в мантию, расправила плечи и гордо вскинула голову. Графиня я или кто?

– Надоело лежать, – произнесла, припоминая интонации и манеру речи настоящей Мири. – Я прекрасно себя чувствую.

Фух... Не так-то просто изображать из себя юную своенравную капризницу, но,

кажется, у меня получилось. Мужчина, сверкнув глазами, на мгновение сжал зубы, но тут же взял себя в руки и вежливо поклонился.

– Приятно слышать. Но все-таки позвольте мне, миледи... хм... так сказать, удостовериться.

Сделала вид, что думаю, а потом еще выше задрала подбородок и кивнула, милостиво разрешая лекарю себя осмотреть.

Ну, осмотреть – это громко сказано. Дильфор проводил меня до кровати, подождал, пока лягу, сел рядом, приложил ладони к вискам и замер. От его пальцев шло теплое, приятное покалывание, и я невольно расслабилась, закрыв глаза и умудрившись даже задремать ненадолго.

– Что ж, леди Ольес, вы действительно здоровы. Очень рад. – Мастер наконец убрал руки. – Я бы рекомендовал в ближайшую неделю побольше отдыхать, гулять на свежем воздухе и ни в коем случае не перенапрягаться. А теперь, пожалуйста, примите это.

Лекарь взял с прикроватного столика бокал с водой, всыпал какой-то порошок, размешал и подал мне.

– Всего лишь безобидное успокоительное, – пояснил, заметив мои колебания. – Поможет избежать лишних волнений, – Поверьте, это необходимо, – добавил он металла в голосе, – вы и так слишком много всего пережили за последнее время.

Возражать не стала – расслабиться мне и в самом деле не помешает. Небольшими глотками выпила чуть горьковатое снадобье и откинулась на подушки, чувствуя, как постепенно отпускает скопившееся внутри напряжение.

– В случае малейшего недомогания немедленно вызывайте меня, – Дильфор неспешно поднялся, – или любого из моих помощников, – перевел он взгляд на горничную. Та послушно закивала. – А сейчас, миледи, разрешите откланяться.

И мужчина ушел – наверное, торопился донести радостную новость до своего начальства, а освободившееся место заняла служанка.

– Дора, – представилась она. – По распоряжению его светлости назначена вашей камеристкой. – Почтительно присела и добавила торопливо: – Если вы не против.

Против я не была. Девушка, просияв, торжественно выдала: «Добро пожаловать в Эрменлейв, миледи», а потом деловито захопотала вокруг, умудряясь делать несколько дел сразу.

Меня проводили в просторную туалетную комнату, по дороге выяснив, какие ароматические масла, притирания и духи я предпочитаю. Набрали воду в огромную ванну из полупрозрачного голубого камня, сделанную в виде глубокой круглой чаши. Помогли помыть волосы и по моей просьбе ненадолго оставили в одиночестве.

Пока я блаженствовала в ароматной пене, тихо млея оттого, что попала в мир, где подобная роскошь доступна если не всем, то по крайней мере аристократам, Дора позаботилась об остальном. По возвращении из купальни меня уже ожидали новая одежда и сытный завтрак.

В своей земной жизни я обычно предпочитала брюки с блузами, но сейчас не могла оторвать взгляда от разложенного на кровати элегантного платья приятного персикового цвета. Расшитый золотой нитью лиф, длинная юбка с мягкими складками, пышные, украшенные лентами рукава и обрамляющий линию декольте изящный кружевной воротник.

«Потрясающе», — зачарованно выдохнула про себя.

«Простовато, — тут же внесла коррективы в мои ощущения память Мэарин. — Вышивки мало, оборок и рюшей совсем нет, а вдоль выреза так и просится ожерелье... бриллиантовое или хотя бы жемчужное».

— Простите, миледи, — виновато зачастила служанка, приняв мое молчание за нежелание надевать такое неподходящее статусу платье. — Знаю, леди заготовок не носят, но ваш багаж еще не прибыл, и я взяла на себя смелость вызвать портниху из соседнего города... Лучшую, которая шьет только для господ, — заверила она с жаром. — Госпожа Бешо придет завтра после полудня, а пока прислала вот это. — Потупилась и тихо повторила: — Извините.

Чего-чего не носят леди? Заготовок? В голове мелькнула смутная догадка и тут же пропала. На этот раз воспоминания подвели, а может, Мири ни с чем подобным просто-напросто никогда не сталкивалась.

— Хорошо, — улыбнулась, подбадривая девушку, и шагнула к овальному зеркалу, придиричиво осматривая себя с ног до головы. Рост... сложение... волосы... лицо... Да, все так, именно эта юная красотка мелькала сегодня ночью в моих видениях.

Что такое заготовка, я поняла уже через несколько минут, когда меня облачили в платье, оказавшееся не по росту длинным и слишком широким. Пока я растерянно хлопала ресницами, служанка извлекла из стоявшей неподалеку шкатулки подвеску — тоненькую цепочку с продолговатым, матово посверкивающим серым самоцветом — и надела ее мне на шею. Одежда заискрилась, словно сотканная из миллиона крохотных огоньков, на несколько секунд подернулась дымкой, а когда пелена рассеялась, я увидела, что теперь наряд сидит на мне идеально, плавно облекая фигуру и выгодно подчеркивая ее достоинства.

Прекрасно!

— Ужасно, — вторила моим мыслям Дора, порывисто прижимая к груди руки. — Как же все-таки ужасно, что с камнями Убгара нельзя носить украшений, госпожа. Вы ведь леди, а я не могу вплести вам в волосы ни одной даже самой тоненькой нитки жемчуга.

Продолжая сетовать, она усадила меня перед зеркалом, подала тувельки в тон платью и начала причесывать.

Неопределенно передернула плечами — пусть считает, как хочет. Лично мне нравился таинственно мерцающий серебристый артефакт, и я ни секунды не переживала из-за отсутствия вычурных коле, дорогих сережек или браслетов. Но графиню Ольес, судя по всему, этот факт должен был очень огорчать.

— Завтрак, Дора, — напомнила мягко, едва служанка заплела волосы в косу и короной уложила их на голове. Девушка мгновенно прекратила причитания и резво устремилась к красиво сервированному столу, спеша отодвинуть стоявшее перед

ним кресло.

Белоснежная скатерть, кремовые салфетки, изысканная, декорированная тонким золотистым узором посуда. На тарелках – тонкие ломтики сыра и холодного мяса, хлебцы, необычного вида фрукты. «Арайи» – «вспомнила» название душистых сладких плодов. Мири их очень любила.

Мясо оказалось удивительно нежным и мягким, сыр – вкусным, диковинные фрукты – спелыми и сочными, хлебцы просто таяли во рту, а теплый напиток, налитый Дорой из высокого кувшина, пах медом и луговыми цветами. Так что из-за стола я встала в самом благостном расположении духа. Но сохранялось оно не долго – ровно до тех пор, пока в дверь не постучали.

– Его светлость просит графиню Ольес спуститься в его кабинет, – важно возвестил незнакомый мне чопорного вида мужчина. – Если миледи готова, я провожу.

И хорошее настроение мгновенно испарилось. Сердце подскочило и тревожно забилось где-то у самого горла. Нет, я понимала, что герцог непременно пожелает со мной увидеться. Он жаждал выяснить, что произошло в той чертовой лесной избушке, и до сих пор не допросил меня только потому, что я спала или лежала без сознания. Да и мне не мешало бы побеседовать со своим спасителем, осторожно разобраться, что к чему. Воспоминания Мэарин, конечно, неплохой бонус, но они мало чем помогли. Скорее всего, прежняя хозяйка тела о случившемся знала не больше меня.

Так что встречи не избежать, и чем раньше она состоится, тем лучше. Но так быстро? Я же еще не готова... И обязательно скажу что-нибудь не то... или сделаю... или спрошу... или...

Дора суежилась, расправляя складки платья и отряхивая невидимые пылинки, но я почти не замечала этого. Мысли витали далеко отсюда, рядом с моим черноглазым спасителем – его светлостью герцогом Саллером, бывшим женихом Мэарин Астон.

* * *

В гробовом молчании мы с посланником герцога прошли пустынными коридорами, спустились на этаж ниже и остановились перед закрытой дверью. Мужчина постучал, дождался ответа, а затем потянул за ручку, с поклоном предлагая мне войти.

– Прошу, ваше сиятельство.

Осторожно переступила порог кабинета, такого же строгого и сдержанного, как его владелец, и застыла, не решаясь шагнуть дальше. В комнате было тихо и довольно свежо. Странно, откуда взялся этот пробирающий до костей холод, на улице ведь тепло? Зябко поежилась, обхватив себя руками. Или меня знобит просто потому, что я нервничаю перед предстоящей встречей?

Быстро осмотрела просторное светлое помещение – книжные шкафы, незажженный камин между ними, диван, глубокие мягкие кресла у низкого столика, высокие окна, залитый солнечными лучами широкий письменный стол, – отыскивала глазами герцога и,

кажется, забыла даже, как дышать. Да, именно этого человека я встретила тогда в лесу. Этого, а не того, каким его представляла Мэарин.

Суровое, властное лицо, жесткий взгляд, рот с неожиданно чувственной нижней губой, сжатый упрямо и чуть надменно. Мужчина не казался ни мрачным, ни безнадежно угрюмым или отталкивающим. Опасным — да, но при этом интересным и невероятно притягательным. Шрам, который до дрожи пугал Мири, меня несколько не беспокоил. Не понимаю, почему она так боялась этой узкой, едва заметной полоски на правой щеке?

— Гм... — раздалось позади сконфуженное, и только тогда я осознала, что мы с Саллером уже некоторое время стоим и сосредоточенно изучаем друг друга. — От меня еще что-то потребуется, ваша светлость?

— Нет, Талек, — после секундного замешательства отрывисто бросил герцог. — Иди. Если понадобится, вызову. — Дождался, пока закроется дверь, и сухо предложил, делая приглашающий жест в сторону дивана: — Располагайтесь, графиня.

Вздохнула, как перед прыжком в ледяную воду, и медленно двинулась вперед, обходя мужчину по широкой дуге. Ни за что не сяду на этот диван. Вдруг ему придет в голову устроиться рядом? Подошла к самому дальнему из кресел, плавно опустилась на краешек сиденья и затихла — спина неестественно выпрямлена, руки аккуратно сложены на коленях, на губах легкая, ничего не значащая улыбка. Юная Красная Шапочка в гостях у страшного серого волка.

Саллер, легко разгадавший мой маневр, досадливо дернул уголок губ, но возражать не стал. Значит, я верно угадала — Мэарин присутствие жениха всегда смущало и напрягало. Она, как испуганный цыпленок, старалась держаться от мужчины на почтительном расстоянии, наверняка ужасно его этим раздражая.

— Как себя чувствуете, графиня?

Его светлость, видимо, чтобы понапрасну не тревожить излишне нервную девицу, демонстративно проигнорировал соседнее со мной кресло и расположился напротив, по другую сторону овального резного столика.

— Благодарю вас, — откликнулась вежливо, лихорадочно «припоминая», как Мэарин вела себя в присутствии будущего мужа. — Мне уже лучше

Слава богу, встречались они не часто. На балах, семейных обедах да обязательных официальных свиданиях-прогулках, где по большей части тоскливо молчали, уступая право говорить сопровождавшим их представителям семейства Астон.

Повисла пауза.

— Раз так, надеюсь, вы не откажетесь ответить на мои вопросы, — начал наконец Саллер. Судя по всему, он пришел к выводу, что светские церемонии соблюдены и от пустых слов пора перейти к делу. — Расскажите, что же все-таки произошло в тот день.

И герцог наклонился вперед таким быстрым хищным движением, что у меня пересохло во рту, а пальцы, судорожно сжавшись, вцепились в ткань платья.

— Трэй... граф Ольес подъехал к ограде парка, — выдавила я, пытаюсь как можно

точнее описать все, что узнала ночью. Воспоминания были отрывочными и непоследовательными, так что приходилось очень стараться, чтобы сложить их в четкую картину. — Я дождалась, пока все в доме уснут, потихоньку вышла и...

— Меня не интересуют подробности вашего побега, — небрежно отмахнулся собеседник. — Церемонию венчания тоже пропустите, к ней мы еще вернемся. Переходите сразу к тому, что случилось потом, после того, как вы покинули Древнюю обитель.

Я волновалась, до боли стискивала пальцы, сбивалась и начинала снова, а герцог слушал, не перебивая и никак не выказывая своего нетерпения. Потом начались вопросы. Неожиданные, неприятные, наводящие... Бесконечные...

— Что значит, не видели, кто на вас напал? Почему? — допытывался мой мучитель.

— Потому что и в самом деле не видела, — отбивалась я дрожащим голосом. — Я ведь уже говорила. Мы с Трэем ехали, целова... беседовали то есть, а потом раздался взрыв, и карета резко остановилась. Трэй хотел выйти, посмотреть, но вокруг вдруг появился такой странный желтый туман. Мне стало дурно, и Трэю тоже, он упал... Больше ничего не помню... только лошади... они так громко ржали... Очнулась я уже в той избушке. Вы что, мне не верите?

— Верю, — нехотя цедил Саллер. И снова принимался выяснять подробности.

— Имя напавшей на вас женщины? Не представилась? Ладно... — Ее приметы, цвет глаз, волос, во что была одета. Да, представьте себе, графиня, даже цвет платья интересует. — Что говорила? Слово в слово... Повторите... Еще раз повторите... — Как вы сказали? Гир? Могир? Так Гир или Могир? Припомните точнее. — Порошок... Какой порошок? Серый? Пыльца явра? Замечательно...

Через час я находилась уже на грани истерики.

— Послушайте, сколько можно меня мучить? — выкрикнула в отчаянии. — Что еще вам от меня нужно?

— Мне?

Герцог вдруг стал удивительно спокоен. Откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и сообщил уверенно и подчеркнуто невозмутимо.

— Мне нужен от вас ребенок.

— Что?... — Бросила на Саллера недоуменный взгляд, вдруг я ослышалась. — Простите... Что вы сказали?

— Ребенок, — повторил герцог с каким-то мстительным удовлетворением. Усмехнулся и безжалостно припечатал, наверное, чтобы у меня больше не оставалось ни иллюзий, ни сомнений: — Это все, что от вас требуется, графиня.

Издавается, подлец... Или так извращенно шутит... Или все-таки...

— Хотите, чтобы я... — Голос против моей воли дрогнул, беспомощно и жалко. Кашлянула и начала снова: — Чтобы я... родила вам ребенка?

Реакция собеседника оказалась совершенно неожиданной.

– Хм... Какое интересное предложение, – почти промурлыкал он. – Приятно, что вы все еще рассматриваете мою кандидатуру. Что ж, можно и мне.

Не поняла...Что значит «можно и мне»? А кому еще? Ему, тому самому Трэю, который муж, или всем Ольес-Саллерам вместе взятым? Вдруг у них здесь такие безумные традиции, и любому родственнику мужа позволено спать с его женой? По принципу – от кого быстрее забеременеет?

Мысли замесались испуганными зайцами. Попыталась «вспомнить», что Мэарин думала по этому поводу, но в голову, как назло, лезли одни глупости, не помогая, а только запутывая...

– Первый обязательно наследник, а потом дочери... да, непременно дочери. Я мечтаю о девочках, – звенел в ушах веселый голос, а сидящая напротив миловидная блондинка согласно кивала, не забывая зачерпывать маленькой серебряной ложкой мороженое из хрустальной вазочки и аккуратно отправлять его в рот. – Две очаровательные кудрявые малышки... Нет, три.

Вот меньше всего меня интересует сейчас, сколько детей собиралась заводить девица Астон.

– Я закажу им одинаковые платья, а к моему приказу пришить ленты такого же цвета, – упоенно продолжала откровенничать фантазерка под восторженные оханья подружки. – Мы будем великолепно смотреться вместе...

Боже, какой бред!

– Мужей разрешу им самим выбрать, – и это сомнительное утверждение нашло самую горячую поддержку у единомышленницы. – Только по любви...

Ну да... Как же...

– А сыновьями пусть супруг занимается...

Вот это уже ближе к делу.

Мири-Мири, ну же... мне необходимо знать, как в вашем мире относятся к супружеской верности, семье, браку. Пожалуйста...

Память, словно услышав мой отчаянный призыв, наконец-то подчинилась.

Картинка сменилась. Место блондиночки заняла роскошно одетая женщина с темными, слегка вьющимися волосами, забранными в сложную прическу, и красивым, немного капризным лицом. Взрослая копия Меарин.

– Ты не какая-нибудь магичка, милая моя, а маркиза, – назидательно вещала она, – маркиза Астон, помни об этом. Невинность – самый ценный дар, который девушка твоего положения отдает супругу в первую брачную ночь. Девственность, незапятнанная репутация и верность мужу – вот самое главное приданое. А об остальном предоставь договариваться отцу...

Вот как! Значит этот... герцог – чтоб ему икалось неделю без продыху – намеренно и

неприкрыто оскорбляет меня, обращаясь с подобным возмутительным заявлением.

– Да как вы... – Надеюсь, у меня получилось величественно выпрямиться. По крайней мере я очень старалась. – Как вы смеете!

Саллер перестал улыбаться. В черных глазах мгновенно вспыхнул огонь, ноздри гневно раздулись, и мужчина резко качнулся вперед, стремительно поднимаясь на ноги. Один удар сердца – и он уже рядом. Крепко стиснул мои пальцы, не оставляя ни единого шанса на освобождение, выдернул из кресла и, обвинив рукой талию, притянул к себе. Я замерла, почувствовав жар сильного тела и легкий табачный аромат – еле уловимый, древесно-пряный. «Он что, курит?» – подумалось невпопад.

– Как смею? – переспросил герцог, напряженно изучая мое лицо.

Взгляд его, пристальный, тяжелый, был почти физически ощутим. Вот он остановился на губах, опустился ниже, коснулся шеи, медленно-медленно скользнул вдоль выреза декольте – ладони тут же сжались, плотнее обхватывая тело, словно мужчина с трудом сдерживался, – и снова устремился к губам.

– А что вас смущает, миледи? Позвольте заметить, мы помолвлены, и добровольно данного вами слова я пока еще назад не возвращал. Так что имею полное право претендовать... Да и вы, сдается мне, вовсе не против. Не так ли? – уголок его рта презрительно дернулся.

Это на что он сейчас намекает? Что я не откажусь прыгнуть к нему в постель, стоит только поманить пальцем? Не стоит делать поспешных выводов, ваша светлость. Пусть я рассматривала вас чуть пристальней и дольше, чем положено юной стыдливой аристократке... хорошо-хорошо, пожалуй, чересчур долго и слишком пристально для благовоспитанной особы, но это не повод считать меня едва ли не падшей женщиной.

– Не так! – отрезала холодно и уперлась ладонями в мужскую грудь, стараясь отстраниться. – Я замужем!

Сказала и тут же похолодела. А жив ли еще тот белокурый мальчик с солнечной улыбкой и небесного цвета глазами, который мелькал в видениях Мири?

– Трэй... – выпалила с замиранием сердца. – С ним... все в порядке?

Не то чтобы я так уж сожалела о совершенно незнакомом мне человеке. Но оказаться вдовой, вернуться к родителям или достаться на неизвестных условиях Саллеру категорически не хотелось. Почему-то юный граф Ольес виделся наименьшим из зол, по крайней мере сейчас, пока я не разобралась, что к чему, куда, зачем и как из этого всего выбраться.

– Неужели любопытно? – ядовито прошипел герцог. – Наконец-то! Я думал, засыплете меня вопросами, потребуете срочно проводить в его комнату, станете дежурить у постели, держать за руку и жалобно вздыхать. А вы даже не вспомнили о «нежно любимом» супруге.

Да... Промашка с моей стороны вышла. Покаянно опустила голову.

– Успели разочароваться в семейной жизни? – продолжал добивать Саллер. – Или в Трэе?

– Ничего подобного, – замотала головой, – я...

– Вы поняли, что быть герцогиней выгоднее, чем графиней, – подхватил собеседник, – и готовы поменять одного мужа на другого?

– Да нет же! – Снова попыталась его оттолкнуть – бесполезно – и почти взмолилась: – Ответьте, что с графом?

– Он серьезно ранен, до сих пор без сознания, – посуровел мужчина. – Но надежда есть.

Облегченно выдохнула и тут же снова напряглась, когда меня, легко преодолев сопротивление, стали подтягивать ближе... Еще ближе... И еще...

– Я бы с удовольствием забрал вас у кузена, – прошептал Саллер, почти касаясь губами моего рта, – и тем самым оказал ему огромную услугу. В создавшейся ситуации так, пожалуй, было бы лучше всего...

– Мы с Трэем обвенчаны... – напредила на всякий случай, поспешно отворачиваясь.

– И что? – пресек мои возражения герцог. – Брак до сих пор не consummated, а наша помолвка одобрена не только семьями, но и его величеством. В любом храме страны жрецы по требованию короля немедленно подтвердили бы развод. В любом, но не в Древней обители. Трэй все рассчитал и знал, куда нужно ехать. Танбор лишь единожды благословляет союз и соединяет пришедшую к нему пару на всю жизнь.

Ого... Вот так сюрприз.

– Теперь отнять вас у графа я могу только одним способом, – продолжал между тем Саллер, не замечая моего смущения, – сделав вдовой.

– Но вы ведь так не поступите? – пролепетала растеряннo и насторожилась, ощутив горячее дыхание у своего виска.

– Убить брата ради женщины, которая через несколько дней после свадьбы о тебе даже не вспомнит? Станет кокетничать с другим, не беспокоясь о том, что я лежу при смерти? – Что? Когда это я с ним кокетничала? – Нет!

Выплюнув свое решительное «нет», он резко оттолкнул меня, так что я почти упала назад в кресло, и закончил:

– Вы этого недостойны.

Что ж, и на том спасибо.

Пока я приподнималась, оправляла платье, садилась, стараясь держаться уверенно и невозмутимо, герцог успел отойти к письменному столу.

– А вот наследника графу придется родить, и чем быстрее, тем лучше, – негромко произнес он. – Иначе вас с Трэем не оставят в покое. Его попытаются убить, а вас похитить и силой принудить к новому браку. – Подождал, давая мне время прийти в себя после очередного потрясения, и спросил: – Что вы знаете о древней крови, миледи?

Ничего! Меня просто подмывало именно так и ответить. Вопреки сомнениям, страху, здравому смыслу бросить в лицо высокомерному хаму правду о себе, своем появлении в этом мире и с наслаждением смотреть, как с его лица сползает самоуверенно-надменная маска. Пусть даже это будет последнее, что мне доведется увидеть в жизни. Пару секунд я в деталях представляла себе картину с оригинальным названием «Не ждали», потом затолкала подальше обиду, а вместе с ней и совершенно неуместное сейчас детское чувство противоречия.

Зачем торопиться с признаниями? Нет уж, сначала послушаю, что скажут. Вдруг все само собой образуется – я пойму, каким ветром меня сюда занесло и как выбраться из этого... гм... в общем, как вернуться назад, к моему Петьке, тогда и откровенничать не придется. Что-то мне не очень понравилось, как там, в лесу, герцог отреагировал на новость об открытии межмирового портала – четко, оперативно, но явно без особого восторга, скорее, наоборот. Боюсь, и свалившейся ему на голову попаданке-вселенке теплого приема ждать не стоит. А еще я хорошо помнила, что так и не сумела назвать спасителю свое имя. Снова выставять себя дуручкой или, того хуже, не совсем адекватной особой не хотелось.

Решено. Поговорю, разберусь, сделаю выводы и поступлю по обстоятельствам.

Итак, Мэарин, графиня Ольес, что же мы с вами можем поведать об этой самой древней крови?

Глава 3

К сожалению, знала Мири до смешного мало.

В памяти нехотя всплывали какие-то разрозненные факты... Несколько раз мелькнули страницы толстой книги... Зазвучал, отдаваясь, настойчивый монотонный голос... Складывалось впечатление, что вопрос этот девицу Астон не особенно интересовал, и все ее представления ограничивались детскими сказками, слухами, а также обрывочными сведениями из обязательной учебной программы.

Ладно, для первого ответа достаточно, а там сообразим, что к чему.

– Что за странный вопрос? – холодно улыбнулась. – Разумеется, мне известно все, что положено девушке моего круга.

Поерзала, устраиваясь поудобнее, тщательно разгладила складки на юбке, снова скромно сложила руки на коленях и, поскольку герцог все еще терпеливо ждал продолжения, гордо пояснила:

– Я посещала школу леди Вивил, а она считается лучшей в столице.

Саллер стиснул зубы и даже, кажется, кулаки, но сдержался, лишь во взгляде появилась еле заметная насмешливая снисходительность. Вот и хорошо, значит, с

ролью наивной глупышки я пока справляюсь как нельзя лучше.

– Что же вам рассказали в заведении этой во всех отношениях достойной леди? – вкрадчиво спросил мужчина. – Поделитесь, графиня.

Отчего ж не поделиться? Благосклонно кивнула и выложила все, что мне удалось наскрести в чужих воспоминаниях.

– Много столетий назад... – я запнулась и неуверенно уточнила: – Шесть или семь... нет, все-таки шесть...

– Семь, – не выдержал герцог и раздраженно поторопил: – Дальше, миледи.

Дальше – так дальше. Картинно надула губы – надо же показать, что мою трепетную девичью душу задела его бесцеремонная грубость – и как бы нехотя продолжила:

– Нелюди напали на человеческие королевства, желая захватить земли, а жителей сделать рабами. Они сжигали города, деревни, мучили и убивали, не жалея никого – ни стариков, ни детей. Наши войска отчаянно сопротивлялись, но продолжали отступать. Мы ничего не могли противопоставить проклятым колдунам, поскольку среди людей в то время не рождались чародеи. Поражение казалось неизбежным, и тогда король Ильмиар обратился к Танбору, умоляя его о милости. Создатель откликнулся на просьбу, даровав повелителю и его ближайшим сподвижникам невероятную силу, с помощью которой они и победили врагов.

Перевела дух, ожидая хоть какой-то реакции, но герцог не торопился нарушать молчание, и я продолжила:

– Все живущие ныне маги Риоса, – о, вот и название мира всплыло, – считаются потомками великого Ильмиара и его друзей. Их и называют носителями древней крови. Увы, род самого короля-победителя давно прервался, прямых наследников не осталось... Говорят, они были сильнейшими. В их жилах древняя кровь пела громче всего, а искра божьего благословения сияла особенно ярко.

Я снова остановилась, и на этот раз Саллер не стал затягивать паузу.

– Это все? – осведомился он кратко.

Неопределенно передернула плечами – ничего больше из памяти Мири выудить не удалось. Но, видимо, и этот стандартный набор знаний, которыми наставники снабдили юную аристократку, вполне удовлетворил моего собеседника.

– Что ж...

Мужчина задумчиво побарабанил по столешнице пальцами, с сомнением покосился на меня, а потом достал из ящика стола какой-то предмет и крепко его сжал.

– Прежде чем мы продолжим, миледи, вы дадите клятву о неразглашении, – произнес он со зловещей решительностью. – Надеюсь, наставницы успели объяснить вам, что такое «Руот-тан»?

«Руот-тан, – эхом отозвалось в памяти, – одна из сильнейших магических клятв, которую используют, когда нужно сохранить в тайне секреты государственной важности. Нарушить или обойти невозможно, попытка нейтрализовать приводит к

смерти».

По спине пробежал холодок, заставив вздрогнуть, как от порыва студеного ветра.

Во что же я все-таки вляпалась?

— Ритуал, — нетерпеливо напомнили мне, и я подчинилась, тщательно скрывая досаду.

Ужасно не хотелось связывать себя обязательствами, тем более магическими, но деваться, судя по всему, некуда. Во-первых, герцог все равно не отвяжется, а во-вторых, имеет полное право настаивать на подобном. Имеет право... Эта мысль мелькнула и пропала, оставив после себя новые вопросы. А собственно, кто он такой, этот Саллер? Помимо того, что герцог, бывший жених Мэарин и какой-то там загадочный мэссер? Чем он вообще занимается? И кстати, как его имя?

— Руку, миледи... — Мужчина теперь стоял в двух шагах от меня, протягивая открытую ладонь, на которой лежал маленький ярко-красный кристалл с острыми гранями.

Посторонние соображения тут же выветрились из головы. Потом, все потом...

Осторожно накрыла камень дрогнувшими пальцами и вскрикнула, когда герцог стиснул их, фактически впечатав в артефакт. От резкой обжигающей боли на миг перехватило дыхание.

— Сейчас все пройдет, Мири... потерпите. — В тоне герцога мелькнуло сочувствие.

И действительно, через мгновение неприятные ощущения исчезли так же внезапно, как появились. А вместе с ними пропала и жалость из голоса Саллера.

— Готовы? — Речь его, как прежде, звучала спокойно и отстраненно.

Выдохнула и, сосредоточившись, начала нараспев повторять всплывающие в памяти слова. Боли не было, я вообще больше ничего не почувствовала, но герцог, не сводивший с меня глаз, удовлетворенно кивнул, стоило последнему звуку раствориться в тишине кабинета, и я поняла, что клятва принята.

— Подтверждаю, — заключил он официально и вернулся к письменному столу, чтобы убрать артефакт.

А я... я удивленно изучала свою ладонь, на которой не осталось ни одной, даже самой крохотной отметины — чистая гладкая кожа, и все.

— Впервые сталкиваетесь с «Руот-тан»? — понимающе усмехнулся Саллер и тут же огорошил очередным требованием: — Расскажите о венчании. Не пропуская ничего... Ничего, — настойчиво повторил он еще раз. — Меня интересует каждая, пусть даже самая незначительная, с вашей точки зрения, деталь.

— Хорошо.

Это нетрудно сделать. Мэарин ждала свадьбу, мечтала о ней, грезилась во снах, поэтому церемония отпечатавалась в памяти девушки во всех мельчайших подробностях.

Приезд в Древнюю обитель... Испытующий взгляд строгого немногословного жреца в

простом светлом балахоне — взгляд, проникающий в самую душу... Его короткое согласие... Бурное ликование юных влюбленных, которые страшно боялись, что им откажут и придется уйти ни с чем... Часовня... Зал с прозрачным сводом и многоцветными узорчатыми окнами, в которых играют солнечные лучи... Несколько человек в глубине помещения, уже знакомый служитель, стоящий перед необычным золотистым постаментом...

— Подождите, графиня, — недовольно прервал меня Саллер и нахмурился: — Какие солнечные лучи? Вы приехали в обитель рано утром, только начало светать.

А ведь действительно, когда мы беседовали со жрецом, заря едва занималась. Мири все время ежилась и с опаской поглядывала в дальний угол двора, где еще лежал полумрак, скрадывая очертания предметов.

— Тем не менее солнце было, — я упрямо тряхнула головой, — солнце и свет... Много света... На стенах, на полу, на алтаре.

— И когда же появился этот свет? — Голос герцога стал мягким и таким вкрадчивым-вкрадчивым.

— Он начал разгораться, когда мы опустили ладони на священный камень, а после слов обета вспыхнул и соединил наши руки яркими лентами.

— И все? — хмуро осведомился герцог после паузы.

— Все, — подтвердила твердо. — Потом мы быстро сели в карету и уехали. Трэй торопился. Он договорился с одним из друзей, что мы проживем некоторое время в его поместье, но путь туда неблизкий. — Герцог продолжал угрюмо молчать, и я попросила: — Может, скажете наконец, что произошло? Я ведь дала клятву. Кто-то напал на карету, ранили Трэя... Меня заперли, чуть не убили... Ничего не понимаю...

Видимо, мне удалось-таки разжалобить Саллера. Он поморщился, прошелся из угла в угол, остановился у окна — напряженный, прямой, с заложенными за спиной руками — и так, не оборачиваясь, принялся говорить. А я внимательно слушала и с каждым произнесенным словом все четче осознавала: я не просто попала, а со всего маху угодила прямо в центр расставленной кем-то паутины. Муха, на которую шла охота, вовремя улетела, а вот я влипла вместо нее, запуталась серьезно и основательно. Правда, хочется верить, что небезнадежно.

Если кратко, то дело обстояло в следующем.

Маги Риоса, которых было не так много, считались элитой общества независимо от того, являлись они аристократами или относились к другому сословию. Браки представители «высшей касты» старались заключать только между собой, так как лишь в этом случае отпрыски гарантированно наследовали способности родителей. Впрочем, силу и уровень дара это не определяло. Очень часто у сильных магов рождались дети, чья «искра» едва тлела, и наоборот. К слову сказать, среди аристократов чаще всего встречались слабо одаренные. Уж не знаю, с чем это связано: Мэарин подобными вопросами не интересовалась, а Саллер не стал ничего пояснять.

Так обстояли дела во всех королевствах, включая Намарру, где жила Мэарин Астон, и во всех семьях. Кроме одной.

В роду Ильмиара, того самого, что первым получил силу от Танбора, раз в поколение на свет появлялись особые девочки – хэленни. Слабенькие магички, почти пустышки, они, тем не менее, являлись величайшей ценностью Риоса, потому что приносили своему мужу необычный дар. Рожденный ими первенец не просто перенимал способности отца, а многократно их усиливал, становясь со временем величайшим магом своего мира. Да и остальные дети немногим уступали наследнику.

Хэленни берегли, как истинное сокровище. За право ввести их в свой дом сражались, убивали и умирали, за них отдавали все, что имели, и радовались, потому что знали, что приобретут намного больше. Королевские династии Риоса и самые титулованные аристократические семьи процветали именно благодаря бракам с хэленни. Эти женщины умели подпитывать искру Танбора, и та вспыхивала в крови их детей ослепительно и жарко, вознося род счастливец на небывалую высоту.

А потом род Ильмиара прервался, а вместе с ним исчезли и его удивительные дочери. Остались только сказания, летописи, сухие отчеты да описания ритуалов.

– Обряд венчания хэленни всегда проводился в Древней обители. На рассвете. – Голос Саллера звучал ровно и тускло, словно он бесконечно, невероятно устал. – Свидетелем, который принимал обеты, благословлял и навеки соединял новобрачных, был свет Танбора, окутывавший часовню, а потом и ладони новобрачных.

– Что? – переспросила я, все еще не понимая. Нет, отчаянно не желая понять.

Вместо ответа герцог шагнул к книжному шкафу, достал толстый темный фолиант, положил на письменный стол и, раскрыв, молча поманил меня к себе.

Косой луч солнца, пробившись сквозь окно, ярким пятном упал на пожелтевшую страницу, как раз туда, где была изображена застывшая перед золотым алтарем пара. Я долго смотрела на их руки, оплетенные длинной светящейся лентой, украдкой покосилась на свои запястья. Чистые...

– Пока чистые, – словно уловив мои мысли, подтвердил мужчина. – До конsummации брака.

Не поднимая глаз, тихо уточнила:

– Вы хотите сказать, что я хэленни?

И совсем не удивилась, услышав:

– Да.

После жесткого прямого ответа Саллера в воздухе повисло напряженное молчание. Собеседник не торопился его прерывать, видимо, давая мне время опомниться и смириться с незавидной участью, а я... Я пыталась прийти в себя и собраться с мыслями.

– Мэссер... – вскинула я наконец голову, и по тому, как изумленно взлетели вверх его брови, мгновенно сообразила, что ляпнула что-то не то.

Мне запрещено так к нему обращаться? А кому можно? Впрочем, сейчас это не имеет значения.

– Ваше светлость, – исправилась невозмутимо, – у меня есть несколько вопросов. Если позволите...

– Всего несколько? – невесело усмехнулся герцог. – В таком случае вы счастливица, миледи. У меня их десяток, не меньше.

Я ждала, никак не реагируя на шутку. Улыбка сползла с губ мужчины, взгляд посуровел, став почти ледяным, и он повелительно бросил:

– Спрашивайте.

– Почему о том, что я хэленни, стало известно только сейчас? Родители, учителя – неужели никто не догадывался? Или вы... – я замялась.

– Нет, – правильно истолковал мои сомнения герцог, – даже не подозревал.

Очень хотелось верить, что он говорит правду.

– Но почему? – повторила настойчиво.

– Только наследники Ильмиара умели определять, какая из их дочерей наделена даром. Для этого они проводили новорожденных девочек через особый ритуал, на котором присутствовали лишь старшие мужчины семьи. А потом малышка росла, ничем не выделяясь среди сестер, и только в день совершеннолетия торжественно объявлялось, что именно она и есть хэленни. Для всех остальных подтверждением служили церемония единения и свет Танбора, благословляющий молодую пару.

Саллер остановился, словно колеблясь, стоит ли откровенничать дальше, но все-таки продолжил:

– После крушения старой династии появился закон, обязывающий представителей аристократических семей, так или иначе связанных узами родства с Ильмиаром, венчаться в Древней обители. Свет еще трижды озарял часовню – последний раз почти сто лет назад. Все. Больше хэленни не было, и закон со временем отменили.

Ясно... Новый правитель собирался таким способом определять носительниц дара и использовать их по своему усмотрению. Но годы шли, желаемого результата король не достиг, и аристократы принялись роптать. Нерушимый брак мало кого устраивал. Разве что юных, наивных и безумно влюбленных, но никак не их родителей, которые рассматривали замужество дочерей исключительно с точки зрения собственной выгоды.

Сегодня этот барон обласкан судьбой? Отдам ему свою кровиночку. Барон в опале и сослан в дальнее поместье? Зачем же девочке вместе с ним мучиться, когда есть возможность задержаться в столице? Тем более маркиз – новый фаворит короля – давно намекал, что не против породниться, объединив состояния и земли.

Все вполне объяснимо, в земной истории немало подобных примеров. Лукреция Борджиа трижды выходила замуж, меняя супругов по приказу отца и брата ради новых связей и владений. Хорошо, что в этом мире не убивают, а просто разводятся.

И вот еще что интересно...

– А что случилось с прямыми потомками Ильмиара?

– Неужели в школе леди Вивил этого не проходят? – бросил на меня острый взгляд герцог.

– Проходят, разумеется, и все же...

– Необходимая информация есть в ваших учебниках, – отрезал он, и я поняла: ничего сверх того, что положено знать любой юной леди, мне не сообщат.

Ну и ладно. Понадобится – сама раздобуду нужные сведения.

– Значит, Трэй не имел представления о том, что я хэленни, – протянула рассеянно.

– О, в этом я вам ручаюсь. Кузен женился, так сказать, по велению сердца и собственной сиюминутной прихоти, а не по злему умыслу и корыстному расчету. – Саллер скривился. – Впрочем, расчет, для начала – трезвый, ему точно не помешал бы.

На душе стало легче. Я, конечно, не Мэарин и с графом лично не знакома, но почему-то приятно было осознавать, что Ольес испытывал к своей юной супруге если не любовь, то по крайней мере искреннюю симпатию. Хотя... выводы, пожалуй, делать рано, встретимся – там видно будет.

– Но после того как нас благословил Танбор, муж, разумеется, понял, кто достался ему в супруги... – я не спрашивала – скорее утверждала – и растерялась, услышав неожиданное:

– А вот в этом я не уверен.

– Но...

– Трэй выглядел изумленным? Мрачным? Обеспокоенным? – герцог склонил голову набок. – Кинулся выяснять подробности у жреца? Просил у него убежища?

– Нет... – Я старательно «вспоминала» поведение новобрачного. – Наоборот, он казался веселым, довольным и счастливым... очень счастливым. Мечтал о том, как представит меня родителям, и они нас простят.

– Пожурят немного, а потом откроют объятия, расцелуют и подарят каждому воз пирожных и ездового единорога, – мрачно съязвил Саллер. – Информация о хэленни не является секретом. Книги о них можно найти и в центральном государственном архиве, и в королевском хранилище, не говоря уже о библиотеке Высшей магической школы. При желании. Но, – мужчина небрежно пожал плечами, – в том-то и дело, что у кузена такого желания никогда не было. И посещать занятия он не любил. Не удивлюсь, если выяснится, что он благополучно пропустил мимо ушей все, что говорилось на эту тему в ВМШ.

Мда... Граф с женой просто созданы друг для друга, как я погляжу. Идеальная пара молодых светских бездельников – по-своему неплохих, но эгоистичных, легкомысленных и непозволительно беспечных

– Зато кое-кто учился намного лучше моего бедного мужа и сразу все понял, – буркнула, вспоминая избушку в лесу, незнакомку, покушавшуюся на мою жизнь, и ее

слова: «Теперь он только о тебе и думает»...

Могир...

Интересно, как он узнал? Рассказали или сам увидел? В храме помимо жреца находилось еще по крайней мере двое человек... Жаль, лица вспомнить не получается... Значит, это Могир на нас напал? Или тайна известна не только ему, и лес вокруг имения сейчас просто кишит претендентами на руку, а главное, тело Мэарин Ольес? Им плевать, что в этом самом теле в данный момент заперта моя испуганная душа. И...

Нет, так дело не пойдет. Надо выдохнуть, успокоиться и, наконец, задать главный вопрос.

Смяла в ладонях ткань платья, чтобы было не так заметно, как дрожат пальцы. Сосчитала в уме до пяти — на большее меня не хватило, а потом спросила:

— Что же мне теперь делать?

— А вы действительно готовы что-то делать? — В голосе герцога звучала ирония. — Выслушать, принять разумные доводы и поступить, как вам скажут? Без слез, капризов, праведного возмущения и опрометчивых поступков?

Жить захочешь — не так раскорячишься. Я, конечно, не произнесла этого вслух, все равно не оценят. А жаль... Пришлось проглотить насмешку собеседника.

— Ваша светлость, я кажусь вам глупой взбалмошной девчонкой, — все-таки не вытерпела, уколола, — с высоты вашего почтенного возраста...

Ребячество, каюсь, но, когда Саллер на мгновение недовольно сжал губы, почувствовала себя почти отомщенной.

— Наверное, я такая и есть... была, но теперь, когда мне и моему мужу угрожает опасность, — как ни старалась сдерживаться, голос невольно дрогнул, — поверьте, сумею вести себя соответствующе. — В памяти неожиданно всплыло строгое умное лицо, и я с достоинством добавила: — Мой отец Гольвен Астон.

— Не думаю, что лично вам, графиня, угрожает что-то серьезное, — нехорошо усмехнулся герцог. — В отличие от моего кузена, которого недавно уже пытались убить. И это только начало.

Как сказать. Вероятно, для кого-то лишь смерть страшна, а вот мне перспектива быть неоднократно изнасилованной представляется самой настоящей опасностью. Не стала ничего отвечать, только еще выше задрала подбородок, и герцог, согнав с лица ухмылку, неохотно признал:

— Вижу, семейное упрямство Астонов вы унаследовали в полной мере. Если вам досталось от маркиза хотя бы немного его осторожности и дальновидности, пожалуй, у нас есть шанс...

* * *

В свою комнату я вернулась только через час. Отмахнулась от поспешно бросившейся ко мне Доры.

— Выйди.

— Ваше сиятельство, — служанка озабоченно нахмурилась, — а как же обед...

— Не сейчас.

— Но...

— Подашь позже, — отчеканила, изо всех сил борясь с подступающей истерикой. Камеристка побледнела, отступила на шаг, и я, опомнившись, попробовала смягчить невольную резкость слов: — Пожалуйста, Дора. Мне нужно остаться одной.

Что бы там ни было, а она ни в чем не виновата.

Когда дверь за девушкой захлопнулась, я закрыла глаза и глубоко задышала, надеясь успокоиться. Но потом не выдержала — сорвалась с места и быстро заходила из угла в угол, вновь и вновь прокручивая в голове свой недавний разговор с Саллером.

Итак, что мы имеем в сухом остатке?

Невеста герцога сбежала от навязанного родителями жениха с его красавцем-кузеном. По настоянию графа они обвенчались не где-нибудь, а в Древней обители. И это большая проблема, потому что Танбор не признает разводов и одобренный им брак расторгнуть нельзя.

Хм... Хорошо бы разузнать, Ольес сам решил поехать в обитель или его ненавязчиво подтолкнули? И вообще, с кем из светских шалопаев граф поделился сногшибательной новостью, что собирается оставить с носом всесильного братца и увести у него Мири? Не верится, что Трэй сдержался и не похвастался хоть кому-нибудь из своих многочисленных друзей. К сожалению, он пока без сознания, так что не спросишь. Ладно, потом.

Во время венчания выяснилось, что Мэарин Астон, вернее, уже Ольес — хэленни. Причем сам муж об уникальной особенности супруги, судя по всему, так и не догадался, а вот кто-то другой очень быстро сообразил, что к чему и какую это сулит выгоду. Вопрос века — кто?

Кандидатуру жреца Саллер сразу отменил: дескать, он никогда не пойдет против желания Танбора и его благословения. А вот я не была бы столь категорична. Трудно представить, что на уме у служителя культа и какова на самом деле воля его небесного покровителя. Помимо верховного жреца и нескольких его помощников в часовню мог заглянуть любой, кто оказался в то время в обители. Например, крестьяне, накануне вечером привезшие продукты и не успевшие уехать. Всех их сейчас ищут и проверяют.

Дальше...

По дороге из обители на карету напали. Раненного графа бросили умирать, а новобрачную, предварительно обвешав охранными браслетами, заперли в каком-то доме. Там ее и обнаружила охваченная ревностью и жадой мести незнакомка. Но до этого душа Мири по непонятной причине успела покинуть тело, и ее место заняла я. Тоже неизвестно почему.

Кто похитил Мэарин? Как скандальная девица очутилась в той развалюхе? «Очередное разбойничье логово», — презрительно отозвался о лесной хижине герцог. Значит, меня бандиты похитили? Или все-таки тот самый пресловутый Могир? Или наемники по его приказу? Ничего не понятно.

Даже личность загадочного Могира пока не удалось выяснить. Оказалось, это имя среди аристократов слишком распространено, чтобы подозревать кого-то конкретного. Как говорится, мало ли в Бразилии Педро? И не сосчитать!

Вопросы, вопросы... одни вопросы... И пока на них не найдутся ответы, участь моя останется незавидной.

Крестьянам, которые были в обители в утро венчания, подчистят память — после того как их найдут и допросят. Жрецы согласились молчать. О том, что я хэлени, больше не узнает никто, включая родителей Мэарин. Но где-то на свободе все еще разгуливает чертов Могир, прячется его информатор и... Есть еще король, которому мой спаситель уже успел обо всем доложить...

— Его величество крайне обеспокоен случившимся, — как наяву услышала я холодный голос герцога, — ему не нужна смута. Нам не нужна. Поэтому вопрос о вашем ребенке — дело государственной важности. Вы поселитесь здесь, в Эрменлейве, и как только Трэй достаточно поправится для того, чтобы... немедленно консуммируете брак. Пока не родится наследник, ни один из вас не покинет имения. И поверьте, графиня, в ваших же интересах сделать так, чтобы это произошло поскорее. Так что... старайтесь, миледи.

Это его «старайтесь», сказанное язвительно-снисходительным тоном, вывело меня из себя, и я сорвалась.

— Может, вы и свечку подержите, чтобы у нас лучше получалось? — выпалила в сердцах и тут же поняла, что зря.

Взгляд Саллера окончательно заledenел, и он, в несколько шагов преодолев разделяющее нас расстояние, буквально навис над мной.

— Может, и подержу, — хрипло выдохнул, — а также покажу и научу, если потребуется.

Дернулась в сторону, но сбежать не успела. Сильные пальцы поймали мои запястья и крепко сжали.

— Примите добрый совет, миледи, — взрослейте быстрее. Потому что шутки закончились раз и навсегда в тот самый миг, когда свет Танбора возвестил о появлении в мире новой хэлени. И ваше детство тоже закончилось. У короля два сына, оба не женаты, а есть еще племянники. Как считаете, у него не возникло искушения ввести вас именно в свою семью? Юного Ольеса, конечно, жаль, но когда затронуты интересы страны и правящей династии... сами понимаете...

Я понимала, очень хорошо понимала.

— Его величеству известно, что Танбор благословил ваш брак, поэтому он пока колеблется, но как долго это продолжится, не предскажу даже я. — Нервно сглотнула, а Саллер продолжал, больно стискивая мои руки и притягивая к себе: — Герцоги Фоарндские тоже не отказался бы от такого... подарка судьбы. С учетом моих способностей наш сын вырос бы величайшим магом даже не королевства — мира. — Теперь его губы находились буквально в нескольких сантиметрах от моих. — Я не задумываясь убил бы того несчастного, которому не посчастливилось стать вашим мужем, и вернул бы назад обещанную невесту. Тем более по законам королевства имею на это полное право. Но Трэй мой кузен, я не подниму руку на брата. И все же... — Он наклонился еще ниже, почти касаясь моего рта легким скользящим поцелуем. — Не искушайте меня, графиня. Ради собственной безопасности... не искушайте...

Кто кого искушает — еще вопрос. Я не Мири, которую от навязанного жениха отделяла спасительная стена из собственных страхов, стереотипов и детской инфантильности. На меня обаяние мужчины действовало просто убойно. И это сейчас совершенно некстати.

— Я...

Лицо горело, в горле пересохло. Скользнула языком по непослушным губам. Взгляд Саллера мгновенно потяжелел, глаза потемнели еще больше, завораживая своей бездонной чернотой, и я даже не поняла, почувствовала — сейчас меня поцелуют.

Ой, мамочки...

— Вы позволите... навестить мужа? — ляпнула первое, что взбрело в голову.

Герцог непонимающе нахмурился. Как-то туго он соображает.

— Трэй... мой супруг... Я хотела бы провести его, ваша светлость... Как он? Сильно ранен? Я так переживаю, скучаю и... Вы разрешите за ним ухаживать? Он там совсем один, а я здесь... одна... Ведь разрешите, да?

Что повлияло на Саллера — эта сбивчивая речь или упоминание о графе — не знаю, но он пришел в себя. На мгновение опустил ресницы, а потом освободил мои руки и медленно отстранился.

— Значит, одна, — повторил он мрачно. — Вот как... — Отступил на шаг и словно перенесся далеко-далеко, таким отчужденно-равнодушным стало его лицо. — Вас учили присматривать за ранеными? Похвально. Умеете менять повязки, следить за состоянием больного? Правильно использовать магию, чтобы дать лекарство, когда он находится без сознания?

Увы, ничего подобного я не умела. Особенно «правильно использовать магию».

— Нет, но...

— Довольно! — твердо оборвал мой лепет герцог. — О Трее есть кому позаботиться. — Он не добавил — «более компетентному», но и без слов было понятно, что именно это имеется в виду. — Разумеется, вас проводят к нему, графиня, но чуть позже.

Мужчина отошел к столу, склонился над ним, перекладывая какие-то бумаги и расправляя свернутую трубочкой карту.

— А сейчас прошу простить, миледи, но у меня дела. — Коснулся лежавшей на краю круглой серебряной пластины и негромко позвал: — Талек.

Меня явно выпроваживали.

— Вы запретили нам покидать имение, пока не появится наследник, — выпалила торопливо, боясь, что не успею спросить. — А потом? Что потом? Меня ведь так же могут похитить... принудить... — Мой голос сорвался. — Пусть это будет не первый ребенок, но тоже достаточно одаренный маг... маги. Жениться на мне вовсе не обязательно. И Трэя убивать тоже. Запрут где-нибудь и...

— У вас богатая фантазия, миледи, — не поднимая головы, бесстрастно прокомментировал Саллер. — Не беспокойтесь, хэленни способна иметь детей только от отца своего первенца. Такова особенность ее дара. После рождения наследника вы утратите свою... гм... ценность для всех, кроме супруга. А вот до этого момента вас непременно попытаются отнять у графа. И не просто отнять, а взять в жены, чтобы старший ребенок появился на свет законнорожденным и имел неоспоримое право в дальнейшем говорить от имени семьи и рода. Надеюсь, учителя вам объясняли, как строг в этом отношении закон?

Мне как раз никто ничего не объяснял, а вот Мири... Однако времени покопаться в ее воспоминаниях, к сожалению, пока не было.

На языке вертелось еще множество вопросов, но дверь отворилась, на пороге возник чинный Талек, и герцог сухо попрощался:

— Всего доброго, миледи!

На меня он больше не взглянул.

Вот так меня практически выставили из кабинета...

Вспомнив об этом, еще стремительнее заметалась по комнате.

«Старайтесь... взрослейте... не искушайте... — передразнила яростно. — А главное — рожайте, во славу семьи и на благо королевства. Чем быстрее и чаще — тем лучше».

Да что он себе позволяет!

Нет, Мири, конечно, безропотно согласилась бы со всеми условиями. Но я-то не Мэарин. Связать свою жизнь с человеком, которого в глаза никогда не видела и к которому ничего не испытываю, стать племенной производительницей элитных магов — да лучше смерть, чем подобное существование. По крайней мере мучиться не так долго придется.

В голове мелькнула предательская мысль — немедленно спуститься в кабинет и выложить Саллеру о себе всю правду. Мелькнула, потом всплыла еще раз и задержалась. А почему бы и нет? Эх, если бы знать, как здесь относятся к попаданцам. Жаль, я до сих пор не выяснила, почему герцог так напрягся, когда услышал об открытии межмирового портала. И память графини Ольес, как назло, молчит.

Все равно! Пойду и скажу! Резко развернувшись, придерживала взметнувшуюся веером юбку, побежала к двери и... остановилась.

Ладно, поверят, а дальше что? Отпустят? Маловероятно. Убьют? Не исключено. А если не поверят, сочтут ненормальной, начнут лечить и все равно заставят рожать? Сумасшедшие ведь тоже способны иметь детей.

Или поверят, но решат, что дар остался в крови, а не исчез с душой Мири, и примутся экспериментировать. Не получится с одним – отдадут второму, третьему, четвертому... Ни семья Ольес, ни семья Астон не вступится за непонятную иномирянку. И тут два варианта. Либо я все-таки окажусь хэленни – и меня опять-таки заставят производить на свет потомство, либо нет – и меня в лучшем случае уничтожат. Что произойдет в худшем, даже предполагать не берусь.

Зябко поежилась. Ни один из сценариев меня не устраивал.

Надеяться на милость и доброту герцога? С какой стати? Я не очень хорошо знакома с Саллером, но то, что успела понять, особо не утешает. Умный, волевой, расчетливый, занимает высокий пост и предан королю. Такой точно не станет скрывать важные новости от своего повелителя.

Да и с чего я взяла, что сумею хоть что-то ему рассказать?

Вспомнила нашу первую встречу в лесу и тщетную попытку возразить герцогу, назвавшему меня Мири. Тогда я списала свою неудачу на волнение, усталость, а неприятное чувство удушья – на плохое самочувствие после пожара. А если это не так?

Покосилась на закрытую дверь, набрала в грудь воздуха и негромко произнесла:

– Мое имя Мария Климова...

Вернее, попыталась произнести, потому что у меня ничего не получилось. Выговорила только: «Мое имя»... – и на этом все.

Дальше лишь хрип, кашель и мгновенное жуткое ощущение, будто из легких выкачали весь воздух без остатка. Я пробовала снова и снова, но так и не выдавила из себя ни имени, ни названия города или планеты – ни одной, даже самой мелкой, подробности, раскрывающей мое происхождение.

Обвела взглядом комнату и бросилась к стоявшему в углу изящному секретеру. Лихорадочно захлопала ящиками и в одном из них обнаружила то, что искала – тоненькую стопку бумаги и некое подобие карандаша. Несколько минут хватило, чтобы убедиться – написать о себе тоже не выйдет.

Отбросила ставший ненужным карандаш и тяжело оперлась на бюро.

Меня забросили в чужой мир, хотели убить, заставляют спать непонятно с кем и рожать неизвестно кого. А теперь выясняется, что у меня не только отняли тело и прежнюю жизнь – забрали даже возможность сказать о себе правду. Подстраховались, гады. Эта новость стала последней каплей, переполнившей чашу моего отчаяния.

Всхлипнула, впилась ногтями в ладони, пытаюсь удержать рвущийся наружу крик – не

помогло — и самым позорным образом разрыдалась. Горько и самозабвенно.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/muzhchina-ne-moei-mechty-b40723>